

А.И. Соловьев[✉], Л.Н. Мыльникова

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

E-mail: easolovievy@mail.ru

Могильник Заречное-1. Конь у подошвы мира...

На основании анализа скопления костей животных, обнаруженных в ямах-костицах кург. 25 могильника Заречное-1, поднимается вопрос о месте и роли лошади в погребальной практике населения эпохи развитой бронзы Присалаирья. Остеологические материалы некрополя, относящиеся к этому домашнему животному, представлены черепом и бедренными костями, имеющими травматические повреждения, в частности, сквозные отверстия в костях ног. Обращение к результатам раскопок некрополя Сяохэ XVIII–XVII вв. до н.э. в Синьцзяне демонстрируют большое число палеоэтнографических сюжетов, находящих близкие параллели среди материалов Северной Азии, что дает пищу для гипотез. Представлена характеристика коня как особого существа в архаичных представлениях населения скотоводческого круга, ряд из которых уходит корнями в верования древних индоевропейцев и народов Центральной Азии. Также показана роль коня как магического посредника между этажами мироздания. Материалы могильника Заречное-1, помимо pragматичной сугубо транспортной функции животного, позволяют говорить и о его особой сакральной роли в специальных ритуалах погребального цикла, связанных в т.ч. с представлениями о загробных странствиях и круговороте души между мирами. Комбинация участвовавших в погребальной сценографии представителей разных видов домашней и дикой фауны, происходящих из разных эколого-хозяйственных зон, связанных с носителями различных типов палеоэкономики, позволяет констатировать смешение в погребальном действии ритуальных практик местных охотников, рыболовов и собирателей и пришлых скотоводов и, как следствие, амбивалентность мировоззренческих установок, соединенных в данном случае общим магическим посыпом погребального акта, а также, если так можно выразиться, «варваризацию» пришлого андроновского населения и модификацию верований в новой среде.

Ключевые слова: андроновская культура, предгорная зона Новосибирского Приобья, нюансы погребального обряда, лошадь.

A.I. Soloviev[✉], L.N. Mylnikova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russia

E-mail: easolovievy@mail.ru

The Zarechnoe-1 Burial Ground. A Horse at the Foot of the World...

This article analyzes animal bone assemblages discovered in burial pits of burial mound 25 at the Zarechnoe-1 burial ground, and discusses the place and role of horses in the funerary practices of the Late Bronze Age population living in the region of the Salair Ridge. Osteological evidence from the necropolis, associated with horses, included a skull and femurs with traumatic injuries such as through-holes in the leg bones. Excavations at the Xiaohe necropolis in Xinjiang of the 18th–17th centuries BC revealed rich paleoethnographic evidence with close parallels in the Northern Asia, making it possible to propose some hypotheses. The article discusses a special role of horses in the archaic beliefs of cattle breeders; some of these beliefs were rooted in the worldview of the ancient Indo-Europeans and peoples of Central Asia. The role of the horse as a magical mediator between the levels of the universe is also demonstrated. The evidence from the Zarechnoe-1 burial ground also suggest a sacred role of horses in specialized burial rituals, associated, among other things, with afterlife journeys and circulation of souls between the worlds, in addition to horses' practical, purely transporting function. The combination of horses belonging to different species of domesticated and wild fauna and originating from different ecological and economic zones which were associated with carriers of different types of paleoeconomy, in the burial scenery, suggests blending of ritual practices of local hunters, fishermen, and gatherers with those of migrant cattle breeders. This blending resulted in ambivalent worldview, united by the common magical message of the funerary action, testifying to "barbarization" of the incoming Andronovo population and modification of their beliefs in the new environment.

Keywords: Andronovo culture, foothills of the Novosibirsk Ob region, funeral rituals, horse.

Летом 2007 г. Тогучинским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН было продолжено [Зах, 1997] изучение комплекса памятников Заречное-1 в Тогучинском р-не Новосибирской обл. (предгорная зона Новосибирского Приобья). Информация о памятнике уже нашла свое место в научной литературе [Мыльникова, Дураков, Кобелева, 2010], и мы опускаем ряд как общих моментов характеристики памятника, так и специфических нюансов погребальной обрядности, уже отраженных в существующих публикациях. Но еще раз подчеркнем, что материалы из кургана разноплановы и представляют собой смешанный комплекс, содержащий находки развитой и поздней бронзы. В данной работе продолжено рассмотрение материалов андроновского времени из фаунистического скопления-«костища» 8–9, расположенного на правом берегу р. Изылы с западной периферии курганной насыпи. Скопление с юга и севера ограничено углублениями. В южной части (размеры 1,3 × 1,6 м) оно было представлено отдельно лежащим в анатомическом порядке черепом медведя, тремя ребрами и зубами хищника. При этом левая височная кость животного была пробита над глазницей тупым предметом. В этом углублении с юга еще выявлены череп, кости ног, лопатки лошади, под ними располагались кости лошадей, череп и кости коровы, кости черепа овцы (козы), череп и кости бобра (резцы отсутствовали), барсука, зайца и птицы (определения сделаны канд. биол. наук С.К. Васильевым).

В северной части скопления в яму округлой формы (диаметр 1,07 м) были помещены череп лошади с нижней челюстью. Здесь же находились голень и берцовая кость лошади, бабки, крупные позвонки, ребра и зубы. С левой стороны над глазницей череп пробит (размеры отверстия 6,5 × 5,0 см, края рваные). Удар нанесен тупым предметом сверху вниз. Пробиты и бедренные кости. Отверстия неправильной овальной формы (края рваные, размеры отверстий до 8,0 × 2,0 см) [Там же].

Ранее мы уже касались проблемы интерпретаций, связанных с находками в данном скоплении-костище материалов самого крупного представителя дикой фауны – медведя [Соловьев, Мыльникова, 2023]. Теперь обратимся к лошади как самому крупному представителю домашних животных, во многом определявшему образ жизни оставившего курган населения.

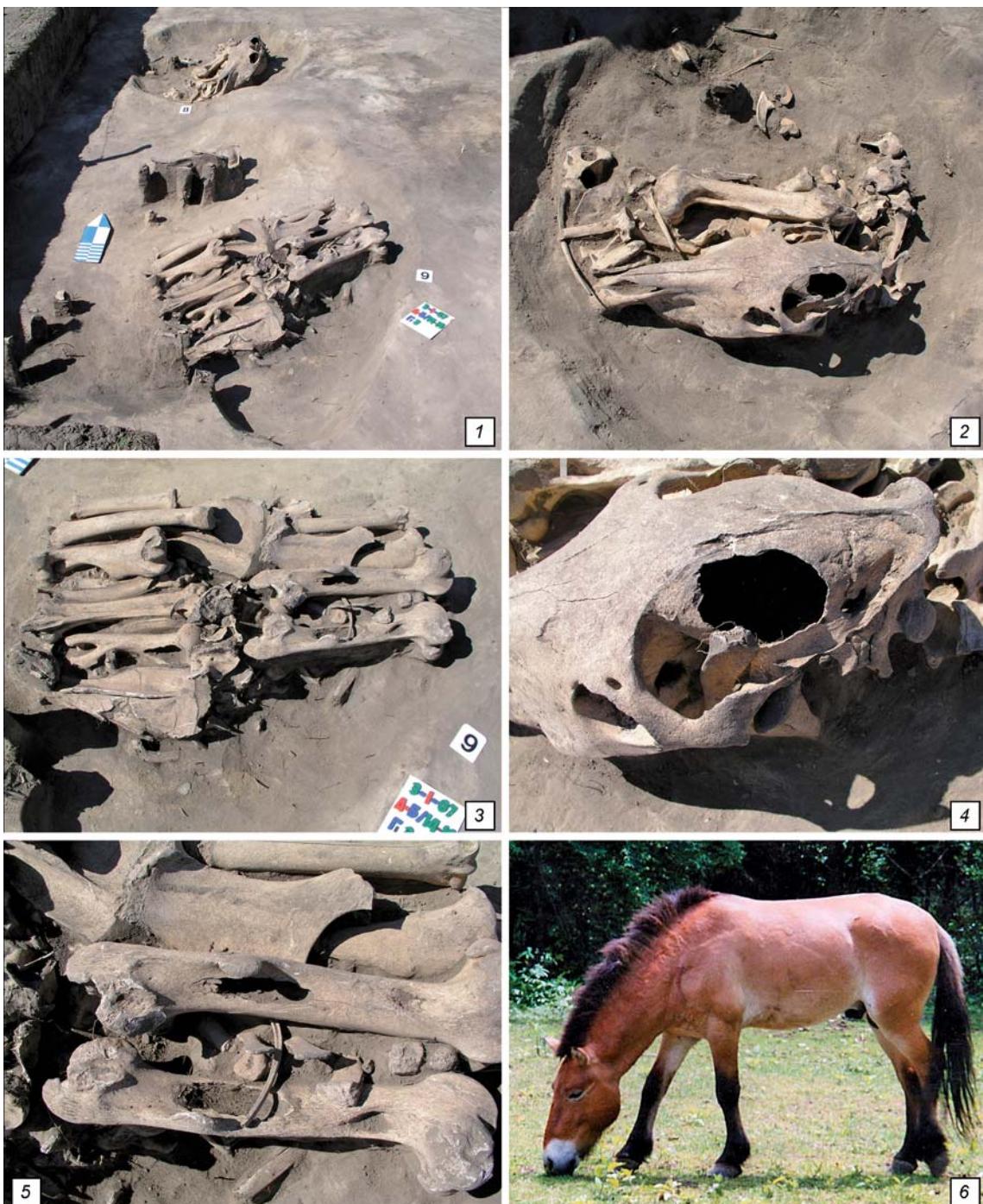
С севера, запада и юга формировали сакральное пространство другие ямы со скоплениями костей животных. Практически все из них содержали останки копытного (см. *рисунок, 1*). Остеологические материалы позволяют предполагать расчленение туши и, очевидно, ее пищевую утилизацию. Такое положение дел и широкое, практически повсеместное существование мифоритуальных представлений, связанных с этим животным во всех знакомых с ним коллективах, вместе со столь же распространенным использованием его в обрядовой практике архаичных и традиционных

обществ, позволяет предпринять попытку взглянуть на феномен использования этого копытного в и обрядовой традиции населения, оставившего кург. 25 на могильнике Заречное-1.

Раскопки в Синьцзяне некрополей Сяохэ XVIII–XVII вв. до н.э. с прекрасно сохранившейся органикой демонстрируют большое количество археологизированных палеоэтнографических сюжетов, находящих близкие параллели среди этнографических материалов Северной Азии. Данное обстоятельство позволяет констатировать существование, хотя и слабо пока проторенных, тропинок к материалам интересующей нас эпохи, позволяющих с опорой на выделенные к настоящему времени мировоззренческие и поведенческие архетипы с известной долей осторожности выстраивать некоторые, возможно, имеющие право на существование, гипотезы.

Достоверно неизвестно, как представляли посмертную судьбу своих соплеменников люди, оставившие могильник Заречное-1, но, кажется, нет оснований предполагать, что у них не существовало представлений, связанных с «круговоротом» душ и реинкарнаций усопших. Во всяком случае, повод для такого заключения дает устройство погребального комплекса и некоторые следы обрядовых действий.

Конь в архаичных представлениях и мифологических системах населения Евразии (и не только скотоводческого круга) предстает существом особым. Он – не просто верный спутник героя во всех его странствиях, но и мудрый друг, советник, покровитель и хранитель, обладающий чудесной силой, способный отвращать зло и проникать в иные измерения. Помимо этого, конь – непременный атрибут некоторых божеств и даже может выступать их алломорфом [Пропп, 2002]. Круг этих представлений широк и, уходя в глубокую древность, даже через толщу лет, отделяющих нас от их истоков, отчетливо сохраняется в фабулах волшебной сказки [Иванов, 1980; Потапов, 1977; Липец, 1984; Дюмезиль, 1990; Пропп, 2002]. Ряд мифоритуальных взглядов, связанных с конем, находит параллели у древних индоевропейцев и народов Центральной Азии, говоривших на тюркских языках, и проистекает из контактов между этими народами в отдаленном прошлом, когда в ходе миграций происходила диффузия некоторых мифологических образов, связанных с конем [Иванов, 1980]. Не только сам конь, но и его упряжь в некоторых из таких представлений выступает мощной силой, способной отгонять злых духов [Фиельstrup, 2002, с. 94, 68, 69; Львова и др., 1988, с. 192] и облегчать заупокойное странствие владельца. Немаловажным является и то обстоятельство, что в подобных верованиях конь обладает функцией посредничества между мирами. Он способен волшебным образом переносить наездника в разные космические ярусы мироздания. Транспортные возможности этого удивительного животного проявляются еще и в том, что в верованиях оно уносит

Жертвенные комплексы кург. 25 могильника Заречное-1.

1, 2 – ямы с конскими останками; 3 – яма с лопаткой и длинными костями лошади; 4 – следы трепанации на черепе коня; 5 – пробитые кости лошади. 6 – лошадь, с чертами архаичного облика.

умершего в страну мертвых [Пропп, 2002, с. 263]. Собственно, именно с последним обстоятельством, как правило, связывается общепринятая интерпретация помещения коня в погребальные комплексы ранних кочевников и их средневековых последователей. Красной нитью проходит эта идея в разработках, касающихся материалов тюркоязычного населения [Нестеров, 1990; Алексеев, 1980], столь же отчетливо она прослеживается и при обращении к памятникам

ираноязычных скотоводов раннего железного века [Полосьмак, 1994]. Правда, обилие гравиастых жертв здесь часто превосходит мыслимый уровень рациональности. Впрочем, на пороге исхода человека, в русле представлений о круговороте жизни, порожденных «самой природой архаичного мировоззрения», в ситуации, обостренной извечной проблемой продления бытия собственного коллектива, которому нельзя допустить бесследной потери своего члена

[Сагалаев, 1991, с. 131, 137–138] в странствиях по за-коулкам неведомых миров, никакие меры, способные повлиять на благополучный исход живого существа и его грядущее возрождение, не могли быть излишними. В целом, с этих позиций логика ритуалов, связанных с размещением лошадей вокруг погребальной площадки, обретает конкретный смысл, делая ее защищенной и обозначая ее как таковую. Собственно, здесь мы имеем дело с любопытным феноменом архаичного мировоззрения, когда некая избранная территория формализуется, сакрализуется и становится реальностью только после того, как она обозначена.

В рассматриваемом случае мы может говорить как минимум о трех таких основополагающих моментах. Первый, очевидно, был связан с выбором самого места захоронения и включал некоторые общие, соответствующие мифологическому образцу ландшафтные характеристики. Второй, наверное, не менее значимый – поиск знаков, выделявших данный участок из окружающего пространства, обозначавших его особенность – инициированную таким образом сакральность. Определенным маркером здесь, как и в случаях с площадками других погребальных памятников, служили артефакты предшествующей опредмеченной человеческой деятельности, которые вполне могли восприниматься как следы собственных культурных героев и легендарных предков, созидательная деятельность которых в мифологические времена реализовалась именно на «этом самом» месте, сакрализуя таким образом территорию и выделяя ее из окружающего профанного пространства [Соловьев, 2006, с. 36, 37]. Третьим моментом служило создание «кольца» подкурганной площадки, оформление которого, по всей видимости, завершало сооружение серии ям и совершение связанных с ними обрядовых действий, резко усиливавших изолирующую мощь границы.

Материалы, полученные при раскопках кург. 25, дают пищу для размышлений о более широком значении цикла обрядов, выходящих за рамки транспортных и «охранительных» функций животных. Примечательны следы травм на черепе и костях ног копытных, которые представляют собой серию сквозных отверстий. Пролом в мозговой капсуле явно больше того, что мог оставить удар какого-либо оружия того времени, исключая некоторые разновидности крупной булавы (см. *рисунок, 2, 4*), аналогичной, а возможно и той самой, которой была разбита голова молодого медведя из этого же скопления [Соловьев, Мыльникова, 2023]. Характер травмы таков, что позволяет предполагать последующее расширение отверстия (трепанацию), вероятно, с целью облегчить извлечение мозгового вещества. В трубчатых костях ног ниже эпифизов и в медиальной части были пробиты сквозные отверстия (см. *рисунок, 3, 5*). Определенно о назначении последних пока судить затруднительно. Отметим, что это явление не уникально для круга андроновских памятников. Например, среди

остеологических материалов Хрипуновского могильника, по данным А.В. Матвеева, присутствует череп лошади, проломленный в области лба, и находившиеся в анатомическом порядке дистальные части всех ее конечностей, пробитые острым округлым в сечении орудием [Матвеев, 1998, с. 210, 211]. Подобные находки отмечены Т.М. Потемкиной [1985] и К.В. Сальниковым [1982]. Хотя находки такого рода уже представляют собой некоторую серию, назначение отверстий в костях конечностей все еще вызывает вопросы, которые нуждаются в отдельном обсуждении. Впрочем, состояние их таково, что чаша весов пока, на наш взгляд, все же склоняется в пользу связи этого феномена со следами извлечения костного мозга, хотя и не самым быстрым и удобным способом. И действительно гораздо быстрее и технологичнее расколоть кость или отделить у нее эпифиз. Нет сомнения, что такие приемы были знакомы и андроновскому населению, и его соседям. На это с достаточной определенностью указывают как поселенческие материалы, так и приемы заготовки костного сырья для серии поделок, например, наконечников стрел [Бородовский, 1997, с. 44–65]. Создается впечатление, что содержание внутренних мозговых каналов костей старались извлечь, максимально бережно сохранив внешний облик этих частей скелета. Поскольку в погребальной практике нет ничего случайного и каждое действие имеет глубокий сакральный смысл, следует признать за такой операцией жесткую норму неписанного ритуала, диктующего необходимость максимально детального расчленения туши животного и вскрытия всех внутренних полостей для извлечения головного, костного и спинного мозга. И, что особенно важно, сделать это при явном стремлении добиться цели, пусть и трудоемкими, но наименее деструктивными для костей методами, что и отличает данный акт от следов обычной пищевой утилизации. Согласно обрядовым нормам, сохранившимся по этнографическим данным у предтаежного и лесного населения Приобья и степных, традиционно скотоводческих тюркоязычных групп Саяно-Алтая, целостность кости была залогом и гарантией грядущего возрождения своего обладателя. По этой причине к ним относились весьма бережно – никогда не разбивали, не выбрасывали, а после жертвоприношения бережно собирали, помещали в соответствующие места [Кулемзин, 1984; Львова и др., 1988] или сжигали. Отметим, что трубчатые кости в погребальной практике кочевого населения раскалывались только вдоль оси [Алексеев, 1980, с. 189, 203, 204, 221], что оставляло узнаваемой морфологию предмета и позволяло его собрать.

Обычно, когда речь идет о реконструкции обрядовой стороны жизни андроновского населения, исследователи обращаются к Ригведам. После серии весьма удачных работ, использовавших это древнейшее собрание религиозных гимнов [Кузьмина, 1986; 2008; Матвеев, 1998], такие экскурсы стали, если так можно

выразиться, общепринятой нормой, которая уже не нуждается ни в обосновании, ни в дополнительной аргументации, что позволяет и нам сделать некоторые шаги в этом направлении. В данном случае в сторону ведических жертвоприношений Пурушамедха и Ашвамедха, в основе которых лежат космогонические представления. У истоков первого стоит, возможно, некогда реальное, а позже аллегорическое человеческое жертвоприношение. Пуруша – первочеловек (вселенская душа), из частей тела которого возник окружающий мир, элементы космической и социальной организации [Топоров, 1980]. Ашвамедха – обряд жертвоприношения коня, основным знаковым и древнейшим элементом которого также являлись космогонические мотивы. В упанишадах с ашвамедхой связывалось сотворение мира из частей коня [Там же, с. 143]. В данном случае древний космогонический смысл обряда человеческого жертвоприношения воспроизводится посредством другого объекта при сохранении сценической драматургии.

Как можно понять, при воспроизведении сценария мирового творения особое значение приобретала каждая мельчайшая часть тела жертвенного существа, ибо из нее создавался конкретный элемент мироздания, без которого картина была бы ущербной. А этого архаичное мировоззрение без самых катастрофических последствий не могло допустить. Поэтому так важно было извлечь костный мозг, не разбив при этом трубчатых костей, ведь с его участием должна была символически создаваться живая ткань окружающего мира. А из сломанных и разбитых костей ног не могла возникнуть, например, крепкая и изобильная (по аналогии с Пуршей) земля, или воскреснуть и обрести новую жизнь сама жертва. Обращает на себя внимание еще один составляющий элемент Ашвамедхи – участие в обрядовом действии других животных, в т.ч. мелкого и крупного рогатого скота и представителей дикой фауны. Число таких подневольных действующих лиц (некоторые из них привязывались к специальным столбам) могло быть очень и очень значительно (согласно «Яджур-веде» – 609) [Топоров, 1980]. Надо полагать, что в древности при известной вариативности и отсутствии Абсолюта, органично присущих архаичному мировоззрению [Сагалаев, 1991], число таких животных и их видовой состав могли варьироваться в русле установленных традицией рамок и зависеть от материальных возможностей самого коллектива, состава стада и биологического потенциала вмещающего ландшафта.

Проецируя эти данные на наши материалы, несложно обнаружить ряд соответствий, в т.ч. – сеть ям, возможно, связанных с устройством жертвенного места и жертвоприношениями других представителей дикой и домашней фауны, включая крупный и мелкий рогатый скот. Если мы правы, и следы, обнаруженные под насыпью курга 25, типологически связаны с родственным по смыслу упомянутым выше космо-

гоническим обрядом, то следует ответить на вопрос, а в чем же его значение и важность для осуществленного погребального акта? Ответ, на наш взгляд, связан с упомянутым мотивом круговорота жизни, со стремлением преодолеть смерть и любым способом, прежде всего, самым «действенным» из доступных – ритуальным, – вернуть покинувшего этот мир соплеменника обратно. Ритуал в данном случае, выступая воспроизведением одного из фрагментов изначального времени, а именно творения мира и человека, становится условием и могучим средством обновления, гарантированной и кратчайшей доставки усопших в жизнетворящую среду изначальных времен, общения живых и мертвых и, разрывая границы, делает возможным и грядущее возвращение уходящих в мир живых [Элиаде, 1998, с. 34]*. То есть главной целью всех действий было последующее возвращение уходящей души в мир живых.

Материалы курга 25 несут на себе видимый отпечаток мультикультурного следа, не в последнюю очередь заметного в комбинации использованных в погребальной сценографии разных видов представителей домашней и дикой фауны, происходящих из разных эколого-хозяйственных зон, связанных с носителями различных типов палеоэкономики. Совокупность всех данных позволяет предполагать смешение в погребальном действии ритуальных практик местных охотников, рыбаков и собирателей и пришлых скотоводов и, как следствие, амбивалентность мировоззренческих установок, соединенных в данном случае общим посылом погребального акта.

Очевидно и присутствие в нем архаичной идеи об умирающем и воскресающем существе, явно осозаемой даже в наши дни в циклах «медвежьих праздников», о которых ранее уже шла речь [Соловьев, Мыльникова, 2023]. Последняя явно прослеживается в архаичном пласте верований и промыслового, и скотоводческого населения Сибири [Алексеев, 1980, с. 96, 97, 106, 109]. Можно предполагать, что манипуляции со шкурой медведя, в данном случае, шкурой коня, представляющей собой физический алломорф воскресающего сакрального персонажа, божества, зверя, сливаясь в единстве цели, оказывались своего рода взаимостраховкой. А в костицах с характерным набором останков этих представителей дикой и домашней фауны можно видеть следы последующей тризы или, если так можно выразиться, «языческой евхаристии», связанной с мистическим обретением сил и свойств поедаемого субъекта. А в итоге можно говорить о «варваризации» пришлого андроновского населения и модификации его верований в новой среде.

* Отметим, что ключевые моменты и сакральное содержание таких действий на мультикультурном материале самых широких хронологических границ рассмотрены одним из крупнейших религиоведов и исследователей архаичного мировоззрения М. Элиаде [1998; 1999].

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0001 «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкции историко-культурного прошлого».

Список литературы

Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – 317 с.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 224 с.

Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1990. – 229 с.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья. – Новосибирск: Наука, 1997. – 130 с.

Иванов В.В. Конь // Миры народов мира. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – Т. I. – С. 666.

Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. – Фрунзе: Илим, 1986. – 136 с.

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. – М.: Летний сад, 2008. – 557 с.

Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1984. – 191 с.

Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. – М.: Наука, 1984. – 264 с.

Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск: Наука, 1988. – Т. I. – 225 с.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука, 1998. – 417 с.

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Исследование кургана № 25 могильника Заречное-1 // Андроновский мир. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. – С. 98–117.

Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху Средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 141 с.

Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (аклахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приитоболья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Потапов Л.П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. – Л.: Наука, 1977. – С. 164–178.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2002. – 336 с.

Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – 155 с

Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // МИА. – 1982. – С. 51–71. – (МИА; № 24).

Соловьев А.И. Погребальные памятники предтаежного населения Обь-Иртышья в эпоху Средневековья (обряд,

миф, социум): автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 2006. – 54 с.

Соловьев А.И., Мыльникова Л.Н. Могильник Заречное-1. Медведь – персонаж реального и сакрального миров // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН, 2023. – Т. XXIV. – С. 879–884.

Топоров В.Н. Ашвамедха // Миры народов мира. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – Т. I. – С. 143.

Фиельstrup Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала ХХ века. – М.: Наука, 2002. – 300 с.

Элиаде М. Миры о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. – СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1998. – 250 с.

Элиаде М. Трактат по истории религий. – СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1999. – Т. I. – 394 с.; Т. II. – 416 с.

References

Alekseev N.A. Rannie formy religii tyurko-yazychnykh narodov Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 1980. 317 p. (In Russ.).

Borodovskii A.P. Drevnee kostoreznoe delo yuga Zapadnoi Sibiri. Novosibirsk IAET SB RAS Publ., 1997. 224 p. (In Russ.).

Eliade M. Mif o vechnom vozvrashchenii. Arkhetipy i povtoryaemost'. St. Petersburg: ALETEIYA, 1998. 250 p. (In Russ.).

Eliade M. Traktat po istorii religii. St. Petersburg: ALETEIYA, 1999a. Vol. I. 394 p. Vol. II. 416 p. (In Russ.).

Dyumezil Zh. Skify i narty. Moscow: Nauka. Gl. red. vost. lit-ry, 1990. 229 p. (In Russ.).

Fielstrup F.A. Iz obryadovoi zhizni kirkizov nachala XX veka. Moscow: Nauka, 2002. 300 p. (In Russ.).

Ivanov V.V. Kon'. In *Mify narodov mira*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1980. Vol. I. 666 p. (In Russ.).

Kulemzin V.M. Chelovek i priroda v verovaniyakh khantov. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1984. 191 p. (In Russ.).

Kuzmina E.E. Drevneishie skotovody ot Urala do Tyan'-Shanya. Frunze: Ilim, 1986. 136 p. (In Russ.).

Kuzmina E.E. Arii – put' na yug. Moscow: Letnii sad, 2008. 557 p. (In Russ.).

Lipets R.S. Obrazy batyra i ego konya v tyurko-mongol'skom epose. Moscow: Nauka, 1984. 264 p. (In Russ.).

Lvova E.L., Oktyabrskaya I.V., Sagalaev A.M., Usmanova M.S. Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyi mir. Novosibirsk: Nauka, 1988. Vol. I. 225 p. (In Russ.).

Matveev A.V. Pervye andronovtsy v lesakh Zaural'ya. Novosibirsk: Nauka, 1998. 417 p. (In Russ.).

Mylnikova L.N., Durakov I.A., Kobeleva L.S. Issledovanie kurgana No. 25 mogil'nika Zarechnoe-1. In *Andronovskij mir*. Tjumen': Tyumen State Univ. Press, 2010. P. 98–117. (In Russ.).

Nesterov S.P. Kon' v kul'takh tyurkoyazychnykh plemen Tsentral'noi Azii v epokhu srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1990. 141 p. (In Russ.).

Polosmak N.V. «Stereogushchie zoloto grify» (aklaahinische kurgany). Novosibirsk: Nauka, 1994. 125 p. (In Russ.).

Potapov L.P. Kon' v verovaniyakh i epose narodov Sayano-Altaya In *Fol'klor i etnografiya. Svyazi fol'klora s drevnimi predstavleniyami i obryadami*. Leningrad: Nauka, 1977. P. 164–178. (In Russ.).

Potemkina T.M. Bronzovye lesostepnogo Pribol'sya. Moscow: Nauka, 1985. 376 p. (In Russ.).

Propp V.Y. Istoricheskie korni volshebnoi skazki. Moscow: Labirint, 2002. 336 p. (In Russ.).

Sagalaev A.M. Uralo-altaiskaya mifologiya: Simvol i arkhetip. Novosibirsk: Nauka, 1991. 156 p. (In Russ.).

Salnikov K.V. Kurgany na ozere Alakul'. In *MIA*, 1982. P. 51–71. (MIA; No. 24). (In Russ.).

Solovyev A.I. Pogrebal'nye pamyatniki predtsezhnogo naseleniya Ob'-Irtysh'ya v epokhu srednevekov'ya (obryad, mif, sotsium): Doct. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2006, 54 p. (In Russ.).

Solovyev A.I., Mylnikova L.N. Burial Ground of Zarechnoe-1. The Bear as a Character of Real and Sacred Worlds. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2023. Vol. XXIX. P. 879–884. (In Russ.). doi:10.17746/2658-6193.2023.29.0879-0884

Toporov V.N. Ashvamedkha. In *Mify narodov mira*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1980. Vol. I. 143 p. (In Russ.).

Zakh V.A. Epokha bronzy Prisalair'ya. Novosibirsk: Nauka, 1997. 130 p. (In Russ.).

Соловьев А.И. <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>
Мыльникова Л.Н. <https://orcid.org/0000-0003-0196-5165>

Дата сдачи рукописи: 02.09.2025 г.